

### **Романтический тип поведения и конфликт**

Романтическая картина жизни проникнута резким разделением «своего» и «чужого», «я» и «не я». Байронический герой мощной силой абсолютного отрицания мира, которому противопоставляет себя и свой идеал, фактически совмещает границы мира и границы глобального конфликта. Романтическое искусство тяготеет к расширению противостояния героя не с персонифицированным противником, но с жизнью и людьми в целом. По В. Соловьеву, Байрон «весь был как бы одною гигантской претензией, обращенной к Творцу и к творению» (1, с. 43). Конкретный виновник несчастья и страданий героя обычно представлен в произведении не в качестве реального противовеса (допустить уравнивания главного героя с кем-то еще эгоцентрическое сознание романтиков не в состоянии), а скорее в роли первотолчка, повода для нарушения душевной гармонии, выводящего на поверхность изначальную дисгармонию в отношениях героя с миром как двух несовместимых противоположностей. Отсутствие или нарушение гармонических отношений с миром в целом, обрыв связей не с кем-то одним, а со всеми и со всем – вот те обстоятельства, которые определяют специфику романтического конфликта, абсолютизирующего отрицание как доминанту мировосприятия и предопределяющего изоляцию героя от мира.

Развитие романтического конфликта представляет собой процессы первичного и вторичного отчуждения, в свое время описанные Ю. Манном (2). Вначале личность отрывается от родной по рождению среды, затем от нового окружения, чем изоляция героя, его одиночество утверждаются как непреодолимые. Следствием конфликта является романтическое двоемирие: внешний мир и мир героя изолированы друг от друга и живут по своим законам, непонятным и неприемлемым для антагониста. Контакты между ними чреваты новыми конфликтами, в очередной раз убеждающими в невозможности единства.

Ф. Шиллер писал о том, что цель идиллии «всегда и везде одна – изобразить человека в состоянии невинности, то есть состоянии гармонии и мира

с самим собой и с внешнею средою» (3, с.440). Романтизм формируется в отталкивании от идиллического мировосприятия как иллюзорного, ложного и оправдываемого одним лишь юношеским неведением и неопытностью. Романтики абсолютизируют конфликтность мира, считая состояние невинности навсегда и безвозвратно утраченным со времен первого грехопадения, а состояние гармонии и мира невозможным и недостижимым для современного человека. Дисгармоничность, конфликтность бытия утверждается как основной закон жизни, а миф о первобытном рае, повествующий об единстве человека с миром присутствует в сознании романтиков как безвозвратно утраченный идеал. Тоскуя по цельности раздробленного мира и собственного раздвоенного сознания, видя свой идеал в единстве и гармонии, романтики к конфликтам, выражающим дисгармонию, антагонизм и разлад, относятся как к трагической необходимости, в которой находит выражение свободная воля личности, как к единственному способу утвердить собственное «я», пусть ценой разрушенного единства, разорванных связей.

Романтики исходят из понимания единства как утраченного идеала, потерянного рая или недостижимой мечты. В романтическом художественном мире конфликт – это очередное нарушение единства, одно из множества нарушений, которым подвергается мир с тех пор, как первоначальная целостность бытия была разрушена в первый раз. Конфликт воспринимается как проявление раздробленности мира, распада целостности на полярные противоположности, борьба между которыми неизбежна. Романтики реабилитируют конфликт как демонстрацию личности своей способности к противостоянию. В романтизме культивируется сила и смелость идти против течения. В романтических декларациях сила личности напрямую связывается с ее бунтарским духом, вольнолюбием, свободомыслием и, как, следствие, отсутствием или разрывом общественных связей. Ценится не умение наладить отношения, установить контакт, прийти к согласию, но, напротив, готовность к обострению ситуации, бескомпромиссность, утверждение собственной системы ценностей как единственно истинной, а собственной правоты как безусловной и абсолютной (все

это при декларации полной относительности каких бы то ни было норм и истин). Культивация в романтизме таких личностных качеств как незаурядность, своеобразие, единственность, неповторимость; ориентация не на общее, а на единичное, стремящееся быть не похожим на общее, возвыситься над общим, - все это с неизбежностью обрекает личность на конфликт с общим. Личность не желает быть частью какого-то сообщества, но претендует на присвоение себе прав целого. Идеал «самостояния» личности в романтической интерпретации тождественен идеалу противостояния. Ценность человека тем больше, чем сильнее его способность противостоять. Одиночество или изгнание, являющиеся следствием такого противостояния, воспринимаются и как трагедия, но и как предмет особой романтической гордости, как тяжелый крест, но и как печать избранничества. Таким образом, романтический идеал гармонии противоречиво дополняется идеей противостояния, борьбы, конфликта. Именно конфликтность в составе идеала романтиков определяет особое положение романтизма среди других художественных систем.

Романтики избирают тип личностного поведения, принципиально не продуктивный в реальных жизненных отношениях, чем резко размежевывают искусство и жизнь, идеал и жизненную прозу, как две несоотносимые сферы. Идеалы самостояния и противостояния могут быть продуктивными в реальной системе жизнеповедения только в том случае, если они обеспечивают чувство самодостаточности. Романтик не знает этого чувства. Более того, романтическая частица в мире бытия тоскует по общему и жаждет воссоединиться с ним. Но абстрактное общее и конкретная среда, которая окружает героя, не совмещаются в романтическом сознании. Равным образом, не соотносимы по романтическим воззрениям теория и практика понимания, в отсутствии которого романтики справедливо усматривают источник конфликтов. Стремление к тому, что называется «уменье жить вместе» романтики расценивают как утилитаризм, прагматизм, снижающие космичность романтических запросов. Тем не менее именно романтики выдвигают проблему понимания как основополагающую в человеческих взаимоотношениях. Не случайно отцом современной герменевтики

называют немецкого романтика Ф. Шлейермахера. Шлейермахер создает учение о понимании как проблеме психологической и языковой (для обеспечения понимания требуется талант психолога и языковое чутье, дар слова). Он разрабатывает изощренные приемы, способствующие тому, чтобы «понять говорящего лучше, чем он сам себя понимает», не потерявшие свою ценность и для нашего времени. Установка «лучше, чем другой» выдает романтика, исходящего из идеи собственного превосходства. Романтики нуждаются в понимании (См., напр., «Невыразимое» В.А. Жуковского, «\$ilenzium» Ф.И. Тютчева), страдают от непонимания («Никто меня не понимает» - «Евгений Онегин»), но сами не пытаются понять окружающих, видя в каждом из них примитив, не достойный усилий. Даже прозрения немецких романтиков о том, что за внешней прозаической оболочкой могут скрываться таинство и поэзия, распространяется не на всех, а на избранных, наделенных двойничеством как знаком особого достоинства. Чтобы увидеть достоинства другого человека, нужно понять его как единое целое, учитывать и уважать его своеобразие, к чему не способно разорванное сознание романтиков, склонных ценить своеобразие только собственной личности.

Романтические поиски «души родной» ни к чему не приводят не столько по причине неумения обрести согласие с кем бы то ни было, включая самого себя, но прежде всего потому, что романтики не находят личности, достойной их усилий, не узнают ее в толпе людей, скрытых под масками. Ср.: как продолжение романтической темы – вначале не узнает Онегин в Татьяне свой идеал. С другой стороны, психология романтического героя не в последнюю очередь определяется подсознательным страхом самому оказаться не на высоте в отношениях со столь долго и страстно лелеемым идеалом. Сверхнасыщенный опыт отчуждения, непонимания и отсутствие опыта полноценного общения, предполагающего равенство обеих сторон (а романтики знают только опыт неравенства в общении), - все это предопределяет их выбор между желанием «найти человека» и страхом «не найти общий язык» в пользу бесконечного и неопределенного искания, мучительного, не дающего удовлетворения, но и ни к чему не обязывающего, а

значит и не чреватого катастрофой открытия собственной неполноценности (саморазоблачение) или отвергнутости (разоблачение извне). Подспудно в душе романтического героя таится опасение оказаться в ситуации хана Гирея: сделать любимую женщину пленницей, но сохранять лишь внешнюю власть над ней и сознавать, что ее внутренний отпор предопределен его неспособностью постичь недоступные ему духовные ценности.

Романтики приписывают себе то понимание жизни, которым они не обладают, знание подменяют оценкой («Людей и свет изведаль он и знал неверной жизни цену» - «Кавказский пленник») и идеализацией. Романтическая идеализация, как и всякая идеализация, порождается недостатком информации и острой потребностью в том, что знают недостаточно. В романтизме формируется, так сказать, обратная идеализация среды. Толпе приписываются качества как реальные, так и ничего общего не имеющие с реальностью. Формируется своего рода антиидеал, сочиняющийся по контрасту с идеалом: среда наделяется теми свойствами, которые формируются умозрительно – в отталкивании от идеала.

Склонность романтиков к негативным оценкам окружающих выдает их внутреннюю слабость и неуверенность в себе. Это юношеская попытка возвыситься пока не за счет собственных достоинств, но путем умаления чужих. Но на этом основании не следует обвинять романтиков в неблагородстве помыслов: напротив, романтическая личность ориентируется на самый высокий, абсолютный идеал, с позиции которого трудно найти совершенного человека, а на меньшее романтики не согласны. Потому они предпочитают способ пространственного или временного преодоления разъединенности. Дистанцированием в пространстве или во времени достигается иллюзия близости. Легче приблизиться к человечеству, чем к человеку. Ближний часто вызывает у романтика брезгливую неприязнь. Романтическая любовь «боится земли, чтобы не замараться в ее грязи» (4, с.265). Романтики не способны к конкретизации идеала в реальной жизни и в реальных отношениях. Умозрительно выстраивая свои отношения с человечеством, конкретные отношения с конкретным человеком выстроить они не могут. Идеальное проецируется в

реальное под знаком требования соответствия абсолюту. Как следствие несоответствия ожиданиям возникает конфликт. Неизживаемость конфликтов рождает скепсис и иронию, усугубляющие процесс отчуждения.

В романтическом конфликте проявляется невысокий уровень коммуникативных способностей романтической личности, слабость ее адаптационных возможностей, ее неумение найти «общий язык», прийти к согласию, обрести единство с миром. Любовь романтиков к перемещению во времени и пространстве определяется их неудачным опытом общения с первичной средой и надеждой на возможное единение с новой, реальной или воображаемой, но другой. Не испытывая потребности изменить себя, романтическая личность меняет окружение, но везде оказывается чужой. В «Евгении Онегине» Пушкин в присущей Онегину «охоте к перемене мест» видит знак внутреннего беспокойства и неспособности найти стержень внутри себя («Им овладело беспокойство, охота к перемене мест»). В южных поэмах поиск гармонии связывается у героя с поиском новой общности, со сменой пространства. Во внимании романтиков к пространству и времени ощущается смутное прозрение ими идеи пути, как духовного развития, а не изменения места в пространстве или времени. Но материализовать свои предощущения и предчувствия в художественных образах романтики не сумели. Романтическая критика статичности классицистской системы и декларация динамичности своих подходов к жизни, утверждение идеи движения и развития как едва ли не основополагающей парадоксальным образом приводит к установлению очередной статично-тупиковой ситуации. Причины тупика те же, что и в классицистских построениях: как оказалось, романтики, как и классицисты, не знают идеи пути и его составляющих – усилия, напряжения, труда. Обретение идеала они понимают как его мгновенное достижение в готовом виде, как прыжок из царства необходимости в царство свободы. Для романтиков идеал – результат, не предполагающий процесса его достижения. В художественном мире романтизма отсутствуют ступени, градации в движении к высшему. Романтики жаждут обрести абсолютные устои, тогда как при диалектическом подходе само понятие

идеал теряет статичность и начинает движение вместе с движением человека, к нему идущего. Здесь намечается важное отличие Пушкина, уже в пору романтических исканий наделенного способностью понять красоту и совершенство мира в целом и несовершенство отдельных его частей; готового осознать идею развития от менее совершенного к более совершенному. При таком подходе отпадает необходимость негативизма по отношению к ошибкам, просчетам, неудачам, воспринимающимся как момент развития. Одна из заветных пушкинских мыслей рождается в отталкивании от романтического максимализма – это идея права на несовершенство («И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он»). По Пушкину, человек свободный должен сам пожелать уйти от своего несовершенства. Совершенствоваться под внешним давлением не продуктивно. Тем более непродуктивно навязывать свои представления о совершенстве, посягая тем самым на чужую свободу.

### **Литература**

1. Пушкин в русской философской мысли. Конец XIX – первая половина XX в. - М.: Книга, 1990.
2. Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма / Ю.В. Манн. - М., 1976; Манн, Ю.В. Динамика русского романтизма / Ю.В. Манн. - М., 1995.
3. Шиллер, Ф. Собрание сочинений: В 7 т. - Т. 6. / Ф. Шиллер. - М., 1957.
4. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. - Т.8 / В.Г. Белинский. - М., 1953.